

В.М.Давыдов

Повестка развития латиноамериканских стран на сегодня и завтра

**Императивы национального, регионального
и глобального порядка**

В статье, подготовленной на базе доклада, с которым автор выступил на международной конференции «Новые реалии современного экономического, политического и культурного развития Иbero-Америки и их учет в международной деятельности РФ», рассматриваются ключевые проблемы современного развития стран региона. Среди них: адаптация к неблагоприятной конъюнктуре посткризисной заторможенной динамике мировой экономики, перспективы включения латиноамериканских и карибских стран в систему международных отношений с учетом формирования мегаблоков, продвигаемых США, трудности внутрирегиональных интеграционных процессов и изменение их механизмов, смена политического вектора в ряде стран региона и последствия нового расклада сил, угрозы криминализации, особенно в ее трансграничной версии. Соответственно встает вопрос о потенциях государства и усиливается императив его модернизации.

Ключевые слова: Латинская Америка, императивы модернизации, дифференциация центров и периферии, перестройка государства.

Рассматривая сегодняшнюю проблематику стран Латино-Карибской Америки (ЛКА) и заглядывая в перспективу региона, мы, с одной стороны, понимаем, что это совершенно контрпродуктивно вне мирохозяйственного и мирополитического контекста. Не зря в нашем институте, не отрекаясь от первородства в лоне латиноамериканистики, еще с середины 90-х годов рефреном звучит призыв «Выйти из гетто!», снять с глаз шоры узкого стра-

Владимир Михайлович Давыдов — чл.-корр. РАН, директор Института Латинской Америки РАН, председатель Президиума научного совета Национального комитета по исследованию БРИКС (davydov@ilaran.ru).

новедения и регионоведческой интравертности. С другой стороны, для адекватного восприятия нынешней и ожидаемой действительности на латиноамериканском пространстве мы обязаны оглянуться на ретроспективу, но с новым научным багажом, усваивая уроки прошлого и дезавуируя расхожие заблуждения. Наконец, хотя мы намерены говорить об общих параметрах и проблемах региона, нельзя забывать «латиноамериканский парадокс» — многовариантность национальных ситуаций при высокой (практически уникальной) общности факторов, детерминирующих развитие экономики и социума.

Сегодня мы констатируем, что **страны региона вновь (в который раз!) стоят перед вызовами неопределенности** после того, как они в своем большинстве, казалось, в первом десятилетии века обрели адекватную формулу развития на путях неodesarrollismo и социальной ориентации. Опять звучат тревожные голоса — сегодня по поводу вероятной маргинализации латиноамериканских экономик, которым трудно будет вписаться в реструктуризацию мирового хозяйства, оставаясь во многих случаях за бортом формирующихся мегаблоков, способных детерминировать мировые процессы в обозримой перспективе.

Неужели в такой ситуации дело идет к **регенерации качества периферийности региона**, а отставание от инновационного тренда, прочерченного лидерами мировой экономики, подтверждает былые тезисы депendentистов? Не отказываясь от правомерности применения подобных определений к латиноамериканскому прошлому, мы, тем не менее, предостерегаем от механического перекладывания их на современность (а тем более на будущее).

Какие полемически продуктивные аргументы есть у нас в данном случае? Во-первых, еще в XIX в. ЛКА стала **самым обширным в мире пространством республиканского строя**, в то время как «передовая» Европа была в основном окрашена цветами монархизма. Вы скажете: а коронелизм и касикизм, а клановость и сепаратизм? И будете правы. Все так. Но ведь, с другой стороны, поэтапно шло **становление институциональной базы республиканского строя** (причем в юридическом отношении оно шло в основном в русле традиций континентального европейского права, а не англо-саксонского, чересчур завязанного на частные интересы). Кроме того, на рубеже XIX—XX вв. **с точки зрения обеспечения гражданских прав и социальных гарантий** такие страны, как Чили, Аргентина и Уругвай, по отдельным параметрам стали опережать многие европей-

ские государства. И это опять же не укладывается в былые и все еще сохраняющиеся стереотипы.

В XX в. регион оказался **самым мирным на планете**, ему посчастливилось избежать разрушительных последствий двух мировых войн, удалось ограничить людские потери в межгосударственных военных конфликтах и в конечном счете найти формулы для их урегулирования на основе международного права. С началом века нынешнего уже политически и юридически урегулированы застарелые конфликты между Чили и Перу, между Перу и Эквадором, между Чили и Аргентиной. Напомним: ЛКА по большому счету самостоятельно отыскала ключ к преодолению затяжной гражданской войны, охватившей в 70—80-е годы целый ряд центральноамериканских государств, создав свой миротворческий механизм в лице Группы Рио. Первоначально включавшая 12 государств, Группа Рио сегодня трансформировалась в **Сообщество латиноамериканских и карибских государств** (СЕЛАК), консультационно-координационный общерегиональный механизм. В нем представлены все государства региона, включая Кубу, но не присутствуют США и Канада. По существу, речь идет об **антитезе Организации американских государств** (ОАГ), чья репутация подмочена злоупотреблениями Вашингтона. Беспрецедентная акция — недавнее создание **Южноамериканского совета обороны** при УНАСУР. Понятно, что в этой сфере нелегко найти консенсус. Но жребий брошен, лиха беда начало. На каком фоне это происходит? Думаю на благотворном, учитывая серьезные результаты, достигнутые странами региона в решении проблем международной безопасности в своем геополитическом пространстве. Речь идет о Договоре Тлателолко (1967 г.), объявившем регион зоной свободной от ядерного оружия (первым в мире правовым актом подобного рода) и инициированной странами ЛКА Декларации ООН об объявлении Южной Атлантики зоной мира и сотрудничества (1986 г.).

Следуя нашей логике, мы находим дополнительные аргументы и в экономической динамике. Так, положение во многих странах региона в течение прошлого века отнюдь не выглядело удручающим при всем понимании справедливости критики по поводу негативных последствий «неоколониализма». Достаточно вспомнить, что в XX в. Бразилия стала мировым лидером по темпам роста ВВП. Примеры можно было бы продолжить. Реалистически (т.е., не вставая в позу умника постфактум) оценивая **опыт импортзамещающей индустриализации и региональной интеграции**, следует признать, что в свое время они существенно укрепили экономический потенциал целого ряда латиноамериканских стран, создали предпосылки того, что они теперь готовы работать на более высоких этажах технологической иерархии и коллективно формировать «переговорную мощь» на международной арене.

Сегодня влиятельным фактором экономического развития региона стали «транслатинас» — ТНК латиноамериканского базирования. Они действуют практически на равных с корпорациями, представляющими «коллективный Запад». А ведь раньше его аналитики высокомерно поуча-

ли латиноамериканцев: им не выйти из периферийного состояния, поскольку в ЛКА нет своих ТНК и ТНБ. Но возьмем теперь другую сферу, которая, увы, нечасто попадает в поле зрения экономистов и политологов, но все чаще приобретает и экономический, и политический смысл. Обратим внимание на **впечатляющие достижения в культуре** — литературе, живописи, музыке. Они твердым шагом вошли в общемировую «храм» и не раз формировали «культурную моду» в чванливой Европе. Массовая интернационализированная культура на Западе и Востоке подпала под влияние латиноамериканского песенного и танцевального стиля. Выходит, у **Латино-Карибской Америки есть своя «мягкая сила», и немалая.**

Мы часто задаемся вопросом: можно ли применительно к такой большой совокупности стран и народов и видя значительный разброс национальных ситуаций говорить о регионе обобщенно. Здесь мы подступаем к тому обстоятельству, которое называем **латиноамериканским парадоксом**. С одной стороны, мы имеем единство, обусловленное рядом базовых цивилизационных (или уже — социокультурных) параметров. С другой стороны, мы сталкиваемся с разнокачественными экономиками и социумами. Гордиев узел помогает разрубить введение категорий среднего уровня абстракции — цивилизационных матриц (или архетипов)¹.

В данном случае матрица трактуется как совокупность ряда одинаковых базовых (привнесенных и автохтонных) факторов, детерминирующих развитие экономики, общества и государства, но сочетающихся в разных пропорциях в рамках определенного ареала, что дает особое качество, разводя траектории развития андских и центральноамериканских стран с высокой долей индейского населения, квазиевропейских обществ стран Южного конуса и социумов карибского ареала, уходящих корнями в далекую эпоху плантационного рабства.

Существует, разумеется, немало переходных ситуаций. Все это по-своему детерминирует процесс развития экономики, общества, государства и, в конечном счете, национальную идентичность. Она всегда декларируется первой, но непосредственно вслед за ней заявляется идентичность латиноамериканская, что характерно для большинства жителей региона.

Накопленный потенциал региона довольно весом и многогранен, создавая, казалось бы, вполне удовлетворительные условия для нового старта. И с этой посылкой вернемся в сегодняшний день. Но, достойно пройдя испытание мировым экономическим кризисом, латиноамериканские страны неожиданно столкнулись с теми обстоятельствами, которые определяют содержание следующего, посткризисного этапа. Ослабление общемировой экономической динамики ограничило спрос на латиноамериканские «commodities». Диверсификация экспорта (и географическая, и номенклатурная) оказалась недостаточной. Инвестиционный процесс перетек в более узкое русло. Налаженный ранее налоговый механизм стал давать сбои и отправляет в консолидированный госбюджет более скудный результат. Ушло время бюджетного профицита, настало время дефицита, хотя в большинстве случаев в пределах маастрихтской нормы (3%). Стало гораз-

до труднее выполнять социальные обязательства, к чему привыкла масса малоимущего населения в предшествовавшее десятилетие.

Река внешнего финансирования явно обмелела: ограничен доступ к дешевым кредитным ресурсам, сократился объем ремесас (семейных переводов эмигрантов), субъекты прямых иностранных инвестиций стали гораздо осторожнее, воздерживаясь от новых проектов либо предпочитая «гавань» традиционных центров мировой экономики. Эта оценка, однако, не распространяется на восходящий Китай. Он по-прежнему нацелен на инвестиции, обеспечивающие доступ к природным ресурсам за рубежом, на масштабные инфраструктурные проекты.

Однополюсный (точнее квазиднополюсный) порядок был кратковременным и на долгую перспективу не удержался. Начало же полицентричного структурирования мировой системы благоприятствовало латиноамериканским государствам, расширив диапазон их внешнеэкономического и внешнеполитического маневра, укрепив их переговорные позиции и способность выбора альтернативных решений. Произошло то, что неизбежно должно было случиться, — в 2014 г. ВВП Китая (по ППС) превзошел ВВП США. С большим пониманием теперь воспринимается тезис о вероятности превышения в обозримой перспективе совокупного ВВП БРИКС общего объема ВВП «большой семерки». В меняющихся условиях границы между периферией и центрами стали проницаемыми. Но разное качество сохраняется, несмотря на глобализацию (что подтверждается реакцией на нынешнюю неблагоприятную конъюнктуру мирового рынка). Конечно, не в пребишианском духе, по схеме жесткого противопоставления центров и периферии, а на более растянутой и подвижной шкале. Примета нового времени — **одновременная дифференциация и центров, и периферии.**

Не надо, конечно, переоценивать темпы продвижения к полицентричному миропорядку. Торможение, которое претерпело развитие БРИКС в последние несколько лет, — очевидный аргумент. И все же и статистика, и экономическая практика прямо говорят об уменьшении веса Соединенных Штатов в Западном полушарии, что выражается в нисходящей тенденции торгового и инвестиционного присутствия на латиноамериканских рынках. США оставили первенство и в официальной помощи развитию (здесь на передний план вышел Евросоюз).

И в годы правления Буша-младшего, и во время президентства Барака Обамы казалось, что ЛКА поставлена Вашингтоном во вторую очередь. Похоже, **Вашингтон уделял внимание ЛКА по остаточному принципу.** Чем это объяснить? Понятно, что в фокусе внимания оказались Большой Ближний Восток и Афганистан. Американские коллеги-латиноамериканисты не раз говорили нам: латиноамериканский регион последнее время демонстрирует меньшие риски для международной безопасности, для национальной безопасности США по сравнению с Ближним и Средним Востоком. Потому-то якобы в Вашингтоне уменьшилась мотивация для проявления активности на латиноамериканском направлении.

Сегодня складывается впечатление, что на исходе мандата Б.Обамы вашингтонская администрация наконец-то обратила должное внимание на своих южных соседей. «Нормализация» американо-кубинских отношений по своей мотивации де-факто стала признанием бессмысленности, контрпродуктивности политики постоянного прессинга и изоляции непокорного острова, де-факто поражением Вашингтона. Изменить существующий строй так и не удалось. Разумеется, **стратегическая цель остается прежней, но ее достижение отныне доверяется «мягкой силе»**. Однако не уверен, что практикуемый сегодня тотальный электронный мониторинг властной верхушки в странах региона и манипулирование информационными потоками может квалифицироваться как «мягкая сила» США. Практика говорит о том, что пакеты компромата, замешанного и на реальных грехах, и на сфабрикованных материалах, сплошь и рядом используются как средство жесткого давления, понуждая к более «лояльному поведению».

Между тем на пути «нормализации» кубино-американских отношений много препятствий. Белый дом, пожалуй, был бы готов пойти дальше, предпринять шаги по демонтажу эмбарго, оставляя на потом вопрос о базе Гуантанамо. Если говорить по существу, Вашингтон заинтересован в формировании апертуры, если рассчитывает на эрозию системы, существующую на острове. Как показали решения VII съезда Компартии Кубы и его отличия от предыдущего съезда, политическое руководство произвело переоценку рисков «нормализации» и включило своего рода «тормоза».

Несколько лет назад американские эксперты в общении с российскими коллегами выражали неуверенность в возможностях США, в их способности удерживать прежнюю гегемонию. Но в последние три года настроение изменилось. Они дают понять, что рецепт найден. Теперь нам очевидно, что в основе рецепта лежит создание двух мегаблоков — транстихоокеанского и трансатлантического партнерства. Эти мегаблоки призваны стать дополнительными несущими конструкциями американского «лидерства». Вопрос в том, как это отразится на судьбе латиноамериканских стран, ограничит ли автономность их действий на мировой арене?

У **Евросоюза** в силу посткризисного торможения дела в экономике идут не лучшим образом, во всяком случае хуже, чем в США. Активность на латиноамериканском направлении, понятно, пошла на убыль. Строительство мостов преференциальной торговли с субрегиональными блоками или отдельными странами стало пробуксовывать. Это наглядно продемонстрировал прошлогодний брюссельский саммит ЕС — СЕЛАК (в академическом форуме, предварявшем саммит, мне удалось участвовать). По большинству позиций финальная декларация саммита оказалась действительно декларативной. Во избежание худшего стороны воздержались от обсуждения острых вопросов. Европейские участники форума акцентировали внимание на расширении доступа латиноамериканцев к европейскому рынку образовательных услуг и исследовательским программам. При этом известные университеты из стран — членов ЕС рекламировали именно плат-

ные услуги. Представители же СЕЛАК утверждали, что образование — публичное благо, а потому негоже злоупотреблять коммерциализацией в этой сфере.

Вопрос сотрудничества стран ЛКА с новыми центрами мировой экономики и политики в нашем институте изучался особо внимательно². В регионе отмечается растущий интерес к проекту БРИКС, к Новому банку развития, учрежденному в этом формате, к другим инициативам «пятерки», создавшей беспрецедентный **механизм многостороннего стратегического партнерства**. Не будем повторять широкий круг публикаций на эту тему. Отметим другое: в отличие от недавнего прошлого нам, помимо первого эшелона новых центров силы, следует констатировать появление **второго контингента новопришельцев на латиноамериканский рынок**. Среди них теперь фигурирует Иран, предпринявший энергичные усилия для выстраивания отношений сотрудничества со странами с левоориентированными режимами еще в годы правления Ахмаденижада. В нынешнем году продолжительное турне по ЛКА совершил турецкий президент Эрдоган. В ходе визита он преуспел по торгово-экономической части, но не нашел большого понимания в том, что касается геополитической интерпретации последних событий вокруг Сирии и Ирака. Тем временем заложены еще основы межрегионального диалога ЛКА с арабскими и африканскими государствами. Все это говорит о том, что страны ЛКА в рамках курса на диверсификацию внешних связей продолжают изменять их традиционную конфигурацию. Таким образом, обозначается **отход от преимущественно «вертикальной» схемы к «горизонтальным» связям (в том числе по линии Юг — Юг)**.

В этой связи можно с уверенностью говорить о том, что с начала текущего века **страны региона перестают ограничиваться только ролью объекта международных отношений и все чаще проявляют себя в качестве субъекта, активно действующего на мировой арене**.

Латиноамериканские государства вступили на путь экономической интеграции еще полвека назад — вслед за Западной Европой и странами социалистического сообщества (СЭВ). В отличие от европейского образца латиноамериканские экономические объединения в большей мере отвечали модели «интеграции сверху», т.е. той, которая иницируется и продвигается административными и политическими решениями правящих кругов. Это во-первых. Во-вторых, казалось бы близлежащие партнеры, соседние страны не были до начала процесса интеграции соединены достаточными транспортными путями и современными средствами связи. К сожалению, инерция отставания интегрирующей инфраструктуры (т.е. способствующая физическому сочленению) сохранилась до сих пор. Неудивительно, что латиноамериканские интеграционные блоки так и не смогли преодолеть рубеж в 25% по доле зональной торговли во всем внешнеторговом обороте стран-членов (по сравнению с Евросоюзом, где эта доля превышает 50%).

Чересчур закрытые латиноамериканские модели интеграции не выдержали соревнования с открытыми и гибкими моделями Юго-Восточной Азии. Недавно созданный Тихоокеанский альянс построен на иных началах, отдавая предпочтение идеям «открытого регионализма». Первые результаты довольно позитивны. Однако прошло слишком мало времени для того, чтобы выносить суждения относительно его эффективности в среднесрочном и долгосрочном плане.

Но вопрос сейчас в другом: насколько страны ЛКА способны найти свое место в более широком контексте в новой конфигурации системы международных отношений. Судя по всему, речь должна идти, с одной стороны, о **доступе в новообразования трансрегионального калибра**, с другой стороны, о **модернизации субрегиональных и региональных объединений ЛКА на основе новой инфраструктуры** — физической, финансовой, телекоммуникационной. В то же время предстоит многотрудная работа по адаптации национальных хозяйственных систем к новым вызовам, к новым требованиям технологически постоянно обновляемой мировой экономики. Очевидно, что латиноамериканским странам необходима собственная основа для перехода на инновационные рельсы и новый механизм организации инвестиционного процесса.

На пути устойчивого развития экономики и общества, как известно, немало труднопреодолимых препятствий. **Одно из ключевых, но пока еще недостаточно осознанных препятствий определяется криминализацией, масштабы которой, увы, пока лишь нарастают.** Ее мимикрия и способность к технологическому обновлению пока превосходят карательную способность правоохранительных органов, действующих в странах региона.

Понятно, что эта беда обусловлена многими общественными язвами. Известна ее первооснова — бедность и нищета. Но ведь их теперь преодолевают, и в ряде случаев наконец-то успешно. За полторы декады этого века десятки миллионов латиноамериканцев вышли из гетто нищеты и бедности, пополнив ряды платежеспособных потребителей и активных субъектов электоральных процессов. Однако **ситуация усугубляется ростом наркомафии, ее сопряжением с ординарной преступностью, а тем более транснационализацией криминальных сообществ.**

Криминализация, в свою очередь, увязана с миграционными процессами. Об этом, в частности, говорят факты корреляции двух феноменов в практике Мексики и Центральной Америки. Здесь образуется своего рода порочный круг. Бедность и нищета выталкивают молодых мужчин в эмиграцию на Север, оставляя сплошь и рядом неполноценные семьи на родине. Семейная неустроенность гонит детей на улицу, которая питает культ насилия. Уличная «социализация» подростков ведет их в «марас» — многочисленные преступные группировки, занимающиеся мелким рэккетом и розничным сбытом наркотовара. «Марас» стали подлинным бичом городов и поселков Сальвадора, Гватемалы и Гондураса (центральноамериканский треугольник). Подрастающее таким образом молодое поколение становит-

ся легкой добычей наркокланов, рекрутирующих «пушечное мясо» в ряды своих боевых отрядов.

На территориях, контролируемых наркокланами, происходит эрозия социальной и институциональной среды, что усиливает импульсы выталкивания. Кругооборот осуществляется не без сбоев и отклонений, но в общем и целом по нарастающей. В свою очередь транснационализация означает «разделение труда» и формирование трансграничных картельных соглашений. Так складывались американо-мексиканские альянсы, в которых американская «братва» занимается обеспечением мексиканской «братвы» техникой и оружием, мексиканцы отвечают за работу с поставщиками товара (в основном в андском субрегионе), за логистику. Каналы переброски на американскую сторону контролируются совместно.

Невольно встает вопрос о государстве, о его эффективности, государстве, которое стало «минимальным» и допустило высокие социальные издержки в 90-е годы, социальную поляризацию, усугубившие криминогенную обстановку. Не думаю, разумеется, что этот вопрос касается только латиноамериканских государств. В той или иной степени он универсален. **Ведь государство, как ни странно, оказалось, пожалуй, наиболее инертным институтом** на общем институциональном фоне. Частный бизнес претерпел огромные изменения на уровне крупных и средних предприятий, задав новые стандарты и мелким. Резко изменились формы организации и практика электоральной, пропагандистской и идеологической работы партий и политических движений. Государство же в основном сохраняет «наполеоновскую матрицу» — государства министерств. Появление практики электронного правительства мало что меняет по сути, обычно дублируя бюрократическую структуру.

Ощущая застарелый кризис государства, который в латиноамериканских условиях отягощается грузом масштабной коррупции и nepотизма, Энрике Иглесиас — видный уругвайский экономист, деятель регионального и, можно сказать, мирового масштаба — выступил с критикой института государства и обоснованием острой необходимости его перестройки. Причем это было сделано не в обстановке низкой конъюнктуры, а в годы «тучных коров» начала века (2006—2007 гг.). Нельзя сказать, что призыв Э. Иглесиаса³ повис в воздухе. Отклик проявился в период «левого поворота» в политической жизни региона, но оказался весьма скромным. Правда, были усилены функции ведомств, ответственных за образование, науку и экологическую ситуацию. К сожалению, и сегодня при смене политического течения на противоположное направление также трудно рассчитывать на фундаментальный подход к совершенствованию механизма государственного управления. Как обычно стратегическое видение перспективы и соответствующих императивов заслоняется кратковременной конъюнктурой, соображениями электорального порядка.

Смена цветов на политической карте ЛКА порой возводится в ранг общерегионального «отзывного референдума». По этому поводу можно сказать следующее. Во-первых, пока рано играть похоронный марш по потен-

циям левых. Левая политическая культура латиноамериканских стран неоднократно демонстрировала свою живучесть и свою принадлежность к факторам объективного порядка. Да и в сегодняшней реальности левоориентированные правительства сохраняются в немалом числе латиноамериканских государств.

Другое дело — суть происходящего. На наш взгляд, имеет место смещение правых и левых к центру, к срединной оси политического спектра. «Сместившиеся» правые, приходя сегодня к власти, уже не могут игнорировать планку, установленную левыми в решении социальных проблем. Левые, остающиеся у власти, не могут забывать о стимулах развития бизнеса, об использовании рыночных механизмов в продвижении экономического развития. При всем при том нам **пора отказаться от простой лево-правой дихотомии в объяснении политических процессов в регионе.** Пора пользоваться более тонким инструментарием.

Кстати, если им не пользуются, то приходят к весьма спорным выводам относительно диапазона российско-латиноамериканского сотрудничества в условиях «правого поворота» в регионе. Заметим, что времена, когда сотрудничество однозначно определялось идеологическим родством, прошли. Это — во-первых. Во-вторых, если судить по ремаркам В.В.Путина, то наше государство, наше политическое руководство придерживается консервативных ценностей и центристской ориентации. Значит, речь должна идти о других критериях, о прагматическом целеполагании. Думаю, что смена власти в Аргентине в этом смысле показательна. Правоцентристское правительство не захотело ограничивать отношения с РФ, подтвердило обязательства Аргентины по широкому кругу прежних договоренностей. Конечно, очень сложная ситуация (фактически двоевластия) складывается в Венесуэле, где нами задействованы немалые ресурсы. Но речь идет главным образом о масштабных проектах в ключевой отрасли венесуэльской экономики. Рациональный прагматичный подход к таким проектам не чужд влиятельным лидерам оппозиции.

Нас, разумеется, очень беспокоит критическая ситуация в Бразилии, в чем-то напоминающая «майдан». Однако демократические институты укоренились в бразильском обществе в большей степени. Силы оппозиции отнюдь не консолидированы. Конфликт замешан на внутривнутриполитической ситуации и в принципе не затрагивает внешнюю политику. В любом случае БРИКС для Бразилии — важная ступень на пути закрепления за ней роли мировой державы. Вряд ли кто-то из прежних или новых лидеров будет готов отказаться от столь весомого аргумента. Бразильское общество не поймет. Напомним также, что и у Советского Союза были конструктивные отношения с умеренно правыми правительствами, включая почти двадцатилетнее правление бразильских военных.

И в официальном порядке, и в академическом кругу мы обычно отмечаем **родство подходов России и большинства стран ЛКА к ключевым вопросам мирового развития:** обе стороны солидарны в признании универсального значения и незаменимости системы ООН, неизменного уваже-

ния международного права, в отрицании одностороннего диктата в международных делах, в признании неприемлемости санкционной практики в обход Совбеза ООН. Так, как это уже полвека проявляется в американской политике по отношению к Кубе, а теперь обращено в нашу сторону. Показательно, что в нашем случае латиноамериканцы не поддались ни на угрозы, ни на угрозы «коллективного Запада».

Важной сферой взаимопонимания для нас является проблематика международной безопасности. Как уже отмечалось, **государствам ЛКА есть что предъявить международному сообществу в качестве своего вклада в обеспечение безопасного сосуществования стран и народов**. Казалось бы, с этой точки зрения ситуация в регионе более благополучна. Однако и на теле Латинской Америки остаются незаживающие раны. Одна из них — узурпация Мальвинских (Фолклендских) островов бывшей владычицей морей, воспользовавшейся слабостью молодого аргентинского государства в 1833 г. Противоправно удерживая архипелаг, давно заместив местное население подданными королевы (чуть больше тысячи душ), Лондон теперь без обиняков провел референдум среди трансплантированных островитян с британским гражданством, представляя все это «легитимным волеизъявлением народа». Почему тогда Лондон отказывает жителям Крыма в праве на такое же волеизъявление? На это не без иронии обратила внимание Кристина Фернандес де Киршнер — президент аргентинской республики до конца прошлого года.

Но дело не только в двустороннем конфликте. Проблема намного шире — речь идет об узле рискованных противоречий в зоне, которую прибрежные государства с той и другой стороны Атлантики хотят видеть пространством гарантированно демилитаризованным и безопасным для международного судоходства и международного сотрудничества. После решения в Комиссии ООН по морскому праву о распространении аргентинского суверенитета на прибрежное водное пространство до 350 миль (апрель с.г.) по-новому высвечивается проблема эксплуатации природных ресурсов шельфа. Разработки, ведущиеся ТНК на мальвинском шельфе (игнорируя протесты Аргентины), выглядят теперь еще более сомнительными. Кроме того, Южная Атлантика — коридор, ведущий в Антарктиду, где представлены интересы многих государств, включая Россию.

Понятно, что как бы ни были антагонистичны существующие противоречия, худой мир всегда лучше войны. Путь к урегулированию ситуации в любом случае пролегает через двусторонние переговоры, пусть и с международным посредничеством. Лондон, преодолевший, как известно, инерцию восприятия геополитической действительности во время второй волны деколонизации, должен все же (пусть позже, а не раньше) сдвинуться с «мертвой точки» в подходе к одному из последних рецидивов колониализма⁴. Очевидно, что Аргентине в своих дипломатических усилиях не резон ограничиваться двусторонним форматом. На наш взгляд, мальвинский конфликт логично и целесообразно увязывать с другими подобными ситуациями, в первую очередь с Гуантанамом и Гибралтаром, расширяя тем

самым круг своих сторонников. В России большее понимание найдет постановка вопроса о проекции, через Соединенное Королевство, активности НАТО на Южную Атлантику путем размещения военной инфраструктуры на островных территориях вдоль латиноамериканского и африканского побережья, включая Мальвины. А это, в свою очередь, становится частью более общей проблемы, связанной с рисками и шансами урегулирования взаимных претензий в неконтролирувшихся и слабо контролировавшихся районах мира (Юг Атлантики и Тихоокеанского бассейна, Арктика, Антарктида). Диалог на эту тему с латиноамериканскими государствами в полной мере отвечает стратегическим интересам России.

Если в контексте современных международных отношений наличествует и проявляется комплекс неполноценности, то совершенно очевидно, что латиноамериканские и карибские страны все больше избавляются от него. Но если имеется комплекс неполноценности, то почти что по законам природы должен существовать противоположный комплекс — превосходства. Латиноамериканцам не нужно объяснять суть этого комплекса. Они почувствовали его эффект на протяжении всей своей истории. Но и сегодня у лидеров «коллективного Запада» сохранилась не только соответствующая риторика, но и соответствующее поведение. Чего стоят постоянные инвективы Обамы относительно исключительности США и соответственно об особом статусе на международной арене. Сегодня этот комплекс действует в полной мере при провоцировании и интерпретации украинского кризиса.

Корни проблемы еще в далеком прошлом. Леопольдо Сеа, крупнейший мексиканский философ XX в. (и можно сказать фигура мировой философской мысли), неоднократно возвращался к этой коллизии в интерпретациях прошлого и настоящего⁵. Он напомнил события 1550 г. — так называемый вальядолидский спор между церковным просветителем Бартоломео де Лас Касасом и теологом Хуаном Гинес де Сепульведой. Последний в оценке прав (или, точнее, в оправдании бесправия) автохтонного населения американских колоний пытался опираться на тезисы Аристотеля, который противопоставлял греческий мир миру негреческому — варварскому, признавая человеческое качество за первым и лишая этого качества второго. Сепульведа переносил это на конкистадоров и на объекты конкисты, вульгаризируя попутно представления авторитета греческой философии. Гуманистический подход Б. де Лас Касаса (во многом опережавший свое время) тогда, о чудо!, возобладали. Индейцы Америки были объявлены подданными Короны. Но, видимо, в этом акте сказалось стремление монархии уберечь свои интересы от своеволия креолов. Тому же служила система энкомьенды, ограничивавшая право собственности креольских верхов.

Новое время уже не допускает столь вульгарного разделения мирового сообщества на «чистых» и «нечистых». Латиноамериканская мысль и внешнеполитическая практика дают нам образцы упорного движения в на-

правлении полицентричного миропорядка, пусть на обозримую перспективу все еще иерархичного, но ставящего пределы экспорту демократии и стиля общественной жизни по лекалам «коллективного Запада», игнорируя объективные условия иной цивилизационной среды.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

¹ В.М.Д а в ы д о в. Цивилиография и цивилизационная идентификация Латино-Карибской Америки. М., ИЛА РАН, 2006 [V.M.Davydov. Tsiviliografia I tsivilizatsionnaya identifikatsia Latino-Karibskoy Ameriki] [Civiliography and civilizational identification of Latin-Caribbean America]. Moscow, ILA, 2006.

² БРИКС — Латинская Америка: позиционирование и взаимодействие. М., ИЛА РАН, 2014. [BRICS—Latinskaya Amerika: pozitsionirovanie i bzaimodeystvie] [BRICS — Latin America: positioning and cooperation]. Moscow, ILA RAN. 2014.

³ E.l g l e s i a s. El papel del Estado y los paradigmas económicos en América Latina. — Revista de la CEPAL, 2006, № 80.

⁴ Международное сообщество и вопрос Мальвинских островов. М., совместное издание ИЛА РАН и Посольства Аргентины в РФ, 2015. [Mezhdunarodnoye soobzchestvo i vopros Malvinskikh ostrovov] [The international community and the question of the Malvinas Islands]. Moscow, sovместnoye izdanie ILA RAN y Posolstvo Argentina, 2015.

⁵ L.Z e a. Fin de Milenio. Emergencia de los marginados. Fondo de cultura económica. México, 2000.

Vladimir M.Davydov (davydov@ilaran.ru)

Member-correspondent of RAS, Chairman of the Presidium of the scientific Counsel of the National committee on BRICS research

The development agendas of Latin American countries today and tomorrow. The imperatives of national, regional and global order

Abstract. In the article based on the author's paper presented at the international conference "New realities of the modern economical, political and cultural development of Ibero-America and their consideration in the international practice of Russian Federation" he analyses key problems of the region's development. Among them: adaptation to unfavorable conjuncture of post-crisis constrained dynamics of the world economy, prospects of integration of Latin American and Caribbean countries into international relations system with regard to the formation of megablocks promoted by the USA, difficulties of intra-regional integration and adjustment of its mechanisms, change of political vector in several countries of the region and effects of the new power balance, dangers of criminalization especially in its transborder version. Consequently that brings up the issue of State potency and the imperative of its modernization becomes more pressing.

Key words: Latin America, imperative of modernization, differentiation of centers and periphery, restructuring of the State